

Оснований для паники нет

Александра Тайц, Алексей Карташов

— Слушай, — спросил я, — как называется такой рубанок, на букву «ш»?

Друг Илюша глянул через плечо озабоченно:

— Как рубанок может быть на букву «ш»? Рубанок и есть рубанок.

— Ну как же?! Есть, например, фуганок, помнишь? Ты инженер или кто?

Илюша развернулся в кресле:

— Фуганок есть. Но я вообще-то инженер-механик, причём тут рубанки? Только не говори мне, — он протестующе выставил ладонь вперед, — что инженер должен знать все. Я не Сайрус Смит*. Ты, кстати, тоже.

— А жаль.

Он покачал головой, отвернулся к своему дурацкому экрану и застучал.

— А много твой Сайрус Смит в автокаде бы работал? — раздался ядовитый голос минуты через полторы. — А в матлабе?

— Ну...

— А может, он схему процессора умел строить? — Илюша мотнул головой в сторону некрасиво распяленной на экране микросхемы, помолчал. — И вообще, что ты о Гугле слышал.

Я не то чтобы обиделся. Такие разговоры про Сайруса Смита были у нас чуть не каждую неделю. Особенно с тех пор, как мы получили от федералов заказ на новые анализаторы. Дело, конечно, важное, безопасность полетов и тому подобное. Но... Только один принцип работы, жесткие параметры, многие, на мой взгляд, бессмысленные. Я слегка отупел за год аврала, вот даже простые слова стал забывать. А может, это уже склероз?

Гугл — оно конечно... Но неспортивно! Эдак мы вообще по-русски говорить разучимся, если все в Гугле смотреть. Да как же его? Что-то вроде шуршавчика. И на фельдфебеля тоже похоже. Или нет? М-да... не клюет. Хорошо, решил я, сейчас мы его загоним в подкорку, пускай там поварится в собственном соку. Всплывет, куда оно денется. И без всяких Гуглов.

Вечером, подъезжая к дому, я забеспокоился. Почему не горит свет? Ах, да. Машка же уехала утром к сыну! Решила не дожидаться выходных — нам обещали ураган.

Я включил свет в прихожей, снял куртку и ботинки, выключил свет, потом включил свет в гостиной, включил телевизор — пусть поворчит, потом зажег лампочку на кухне и стал шарить в холодильнике. Машка, может, и права — много на электричестве не сэкономишь, а ботинки не грязнее тапочек. Но должен же быть порядок.

*Сайрус Смит — один из главных героев романа Жюль Верна «Таинственный остров», талантливый ученый и инженер, обладавший энциклопедическими знаниями.

ФАНТАСТИКА

По телевизору опять какую-то чушь передают... Рубанок, рубанок... простое же слово!

После ужина я сдался и открыл Гугл. Так, «рубанок», 823 тысячи раз. Большой рубанок. «Рубанок ш» ... хм... рубанок шлифовальный... рубанок широкий... Ширази Хафиз, рубаи... что за бред они предлагают! Я плюнул, подошел к книжному шкафу. Не понимаю я эти новомодные электронные книжки. Книга должна пахнуть. Сначала типографской краской, потом желтеющей бумагой, потом старым столярным клеем и пылью... Книгу нужно листать! А не тыкать бессмысленно пальцем в кнопки.

Я вытащил потрепанный томик «Золотого осла» и уже добрался до похощений проныры Диофана, как вдруг меня осенило. Господи, ну конечно же! Шерхебель! Такие хорошие слова: шерхебель, зензубель, фальцгебель, шпунтубель! Я вспомнил нашего учителя труда, в потертом берете и синем халате, и запах свежих стружек.

Перед сном я, проверяя в последний раз почту, заодно набрал в Гугле «шерхебель». Ответ был мгновенным: «Ваш поиск — шерхебель — не соответствует ни одному документу».

Я тупо уставился в экран. Ну хорошо, а Яндекс? Который «все найдется»?

Яндекс ответил примерно так же. Я спустился вниз, на кухню, налил себе рюмку коньяку. Посмотрел на часы. Полпервого. Пора спать, хватит ерундой заниматься.

Во сне Аристомен с Диофаном, оба в синих беретах, учили меня работать на токарном станке в школьной мастерской. Я остро ощущал запах нагретого дерева и проснулся в задумчивости.

Назавтра я выехал из дома пораньше: пятница, хотелось поскорее закончить дела на работе и засветло уехать к своим. Не повезло — я наглухо застрял на железнодорожном переезде. Сначала электричка проползала невыносимо медленно, потом скорый на Нью-Йорк, потом какой-то допотопный маневровый тепловозик суетливо ездил туда-сюда. Я и не знал, что тут остались такие. Наконец, загорелся зеленый, и все с облегчением рванули вперед.

Бестолково как сделано, думал я с раздражением! И главное, светофор поставили, а этого нет... Господи, да как же его? Полосатая такая палка! Черт, да что это такое со мной! Спросить, что ли, у кого?

У меня в отделе русских шестеро из восьми. Крис и Дэвид называют себя угнетенным меньшинством. Спрашивай — не хочу, но я побоялся, ведь на смех поднимут, старый, скажут, склеротик. Поэтому сначала я решил похвастаться Ильёй вчерашним достижением.

— Илюша! Шерхебель! — торжественно провозгласил я, войдя в офис.

Он повернулся ко мне и вопросительно поднял брови. Что же он такой бестолковый, забыл, о чем мы говорили?

— Шерхебель! Вспомнил?

— Прости, ты о чем?

— Ну, рубанок на букву «ш», вчера говорили!

Он помотал головой, подумал:

— Не знаю такого слова.

— Я тоже не знаю, — отозвался из-за загородки техник Володя.

— Дай-ка посмотрим! — Илья повернулся к экрану.

— погоди! Не смотри, его в Гугле нет почему-то, — смутился я.

— Что ты мне голову морочишь? Если нет в Гугле — значит, нет такого слова. — Илюша раздраженно развернулся обратно к экрану и надолго замолчал. Решил, наверное, что я его разыгрываю. Н-да. Спрашивать про полосатую палку было явно не ко времени...

С самого утра навалились срочные неотложные дела — перед выходными так всегда бывает, а тут еще ураган приближался. Какие-то встречи, передача проекта, потом я готовил отчет шефу, он после обеда летел в Вашингтон докладывать.

Только в час я наконец сделал себе вторую чашку кофе. Открыл Википедию, «железные дороги». Добросовестно прочитал статью и не нашел ничего похожего. Неужели нельзя в такой статье описать, как выглядит железнодорожный переезд? Так, посмотрим на «переезд». Ничего.

Меня охватило неприятное беспокойство. С некоторым колебанием я набрал номер жены. Путано объяснил, чего я хочу.

— Полосатая палка? Опиши, пожалуйста, подробнее.

Да, вот именно так и сказала. Она психолог. Пришлось себя сдерживать, уж очень хотелось избавиться от смутного ощущения непорядка.

— Ну Маш, как описать-то? Палка такая, брус скорее даже. Длинная. Она опускается и перекрывает дорогу, когда приближается поезд. А когда пройдет, поднимается, и можно ехать.

— Разумно, — одобрила Машка. — А в каком смысле она полосатая?

— Черно-белые полоски. Поперечные.

— тоже разумно! Это тревожная окраска, — пояснила она. Потом задумалась еще и вдруг спросила вкрадчиво: — Так когда можно ехать, по правилам?

— Когда шлагбаум поднят, — ответил я, не раздумывая. — О! Спасибо, золотко! Видишь, как было просто! Сам вспомнил!

— Ну и хорошо! — обрадовалась Машка. — Ладно, извини, мы тут с Олегом фрикасе делаем! Вечером договорим, целую!

Я с минуту сидел перед экраном, потом набрал слово «шлагбаум» и закрыл окно с раздражением. «Ни один запрос не соответствует»... Ну-ну. Черт бы побрал онлайн-словари для дебилов. Слово «фрикасе» смотреть даже не стал.

По дороге домой я вспоминал самые разные слова, стараясь докопаться до давно забытых. Озеленение, спартакиада, звеньевой, ударник... Ну хорошо, не было особой нужды их употреблять, умерло так умерло. А вот то, что я забываю всякие технические термины, это уже хуже. Читать надо больше, читать! А то уши шерстью зарастут.

Но я понимал, что просто уговариваю себя и боюсь совсем не склероза.

В три последующие дня события разворачивались все быстрее и быстрее. Я спешу записать их ход, хотя не уверен, что это кому-нибудь может понадобиться и что хоть кто-то сумеет прочитать мои записи.

В пятницу вечером погода окончательно испортилась. Я позвонил Машке и Олегу, и они отсоветовали ехать: дороги забиты, рисковать не стоит. Машка долго меня вразумляла — что надо закрыть, за чем следить, куда звонить в случае чего. Взяла с меня обещание не выходить на улицу...

Я проснулся в субботу утром, выпил кофе и включил телевизор. Обещанный ураган никуда не свернул и катился прямо на нас, медленно, как почтовый дилижанс, десять миль в час. В три часа дня, пророчил взволнованный ведущий, глаз урагана коснется берега в районе города Хаверхилл, штат Массачусетс. В пяти милях от меня. Надо подготовиться — время еще есть.

Приготовления отвлекли меня от забытых слов. Я закрывал окна, ездил за едой и питьевой водой, за бензином для генератора, заряжал аккумуляторы и наливал воду в ванну. Солнце уже скрылось за плотной пеленой, но мелкий дождик был теплым и безобидным. И только ветер крепчал и задувал ровно и механически безжалостно.

Темнеть начало в четыре, к половине шестого наступила ночь. Ветер все усиливался. Я слушал, как трещат тополя, посаженные несколько лет назад, как выламывает секции из старого забора, как со звоном вылетает стекло из окна сарая. Потом где-то оборвало провода, свет мигнул и погас. Я включил генератор, выключил все лампы, кроме настольной в кабинете, и поставил на зарядку ноутбук и телефон, а потом долго сидел у окна, глядя на темный силуэт акации на заднем дворе. Порывы ветра пригибали ее почти до земли, и все же она вновь и вновь выпрямлялась.

Забытые слова вдруг нахлынули, дразнясь на расстоянии вытянутой руки, будто плотину прорвало. Как называются обезьяны, совсем маленькие, которые тараканами питаются? А те, которые целыми днями занимаются любовью? А такой зверь, который живет в земле, голый и розовый? Как называется тот, кто ведет представление в цирке? А хлыст у укротителя — как? А в швейной машинке такая круглая штучка, с ниткой внутри? Или вот когда делают ткань, то одни нитки идут вдоль, а другие поперек, и как-то же они называются!

Техника вспоминалась совсем плохо. В памяти всплывали страницы из пятого тома «Детской энциклопедии», с допотопными механизмами, которые давно уже нигде не найдешь, кроме музея. Термин «червячная передача» я неожиданно вспомнил, но забыл, как она выглядит. А как были устроены подъемные механизмы до появления кранов? Ведь я знал это когда-то!

Мир филологии таил множество зыбких образов, которые я не мог даже объяснить своими словами, так что искать смысла не было. Я едва мог вспомнить, что эти понятия существуют, а для чего они нужны — бесполезно было спрашивать память. Сколько есть других наук, я старался не думать. Но и в обыденной жизни, что страшнее всего, зияли провалы, куда ни хватись.

пропадали на глазах, пока я не пришел на сайт, где вообще не было никакого текста. Посреди страницы располагалась фотография неодетой девушки с черными бессмысленными глазами и выражением лица, которое я затруднился хоть как-то интерпретировать.

Я нажал на кнопку «назад» в браузере. Ничего не произошло. То есть почти ничего: мне показалось, что выражение лица у девушки слегка изменилось. Да, определенно, она теперь смотрела злорадно.

Кукушка прокуковала час ночи. В голове у меня было совсем пусто. Докурив, я открыл список своих ссылок и выбрал наугад одну, потом другую, третью.

«Эта страница недоступна».

И вдруг грянул телефонный звонок.

Что это? Мы ведь отключили линию уже год назад, просто я не собрался убрать аппарат.

Я смотрел на телефон и считал звонки. Раньше у меня было установлено, что после четырех звонков включается автоответчик.

Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

Я снял трубку.

В трубке шуршало и тяжело дышало. Потом щелкнуло, и преувеличенно ласковый, даже слегка эротичный женский голос сказал:

— Это записанное сообщение. Прослушайте важную информацию от губернатора.

В трубку ворвался шум, вроде атмосферных помех в старом радиоприемнике. Шипение и треск, голос пробивался через них с трудом. Я вслушивался напряженно, но вылавливал только служебные и некоторые ключевые слова: «прежде всего... конечно... осторожно... помощь идет...». В какой-то момент шум почти пропал, но это был уже конец записи. «Помните: оснований для паники нет», — веско сказал губернатор, и раздались короткие гудки отбоя.

Глупо, но эта фраза успокоила меня. Я выключил компьютер, умылся, заглушил генератор и пошел в спальню, наверх. Опасность уже миновала.

Утром понедельника, умываясь, я опять вспоминал минувший день.

Что за чертовщина? Куда я забрел, блуждая по Интернету? Может быть, это какой-то новый вирус?

Эта мысль меня утешила. Я спустился вниз, и вдруг вспыхнул свет. Заурчал холодильник, вокруг запищали на разные голоса приборы, словно жизнь начала возвращаться в дом.

Давно я не делал себе завтрак с таким удовольствием. Теплый свет над столом, горячая овсянка, кофе с сахаром и сливками — что еще нужно человеку?

— Так, — подумал я вслух. Оснований для паники нет, губернатор сказал. А значит, что? Значит, не паникуем, живем как обычно, едем на работу. Я выглянул на улицу: вроде все в порядке, даже солнце проглядывает. Можно, конечно, под ураган и выходной взять, но я же тут обалдею, дома. Уже невеста что мерещится.

Радио в машине барахлило — видимо, ретрансляторы вышли из строя, новости послушать не удалось. Ладно, подумал я, сейчас с ребятами поговорю и все узнаю.

В фойе ярко горел свет, негромко играла музыка, словно никакого урагана и не было. Я поднялся на шестой этаж и еще от лифта услышал взрывы смеха и голос Володи. Поди, собрались у подоконника, попивают кофе и суда-

чат. Сейчас я войду и строго скажу: «А работать кто будет, бездельники?», а Дэвид старательно скажет: «Пюшшкин!» Ох, слава богу. Все хорошо. Все как обычно.

Я прибавил шагу, но у двери офиса остановился в смутной тревоге.

Я не понимал ни слова.

Язык определенно был русский, Дэвид, значит, еще не приехал. И говорил именно Володя — как обычно, с ленцой и будто в шутку. Но это был птичий язык, я мог понять только «да», «нет», «ну вот». В ответ послышался голос Ильи, рассудительный и солидный. Он выговаривал слова как обычно — отчетливо, интонируя, как актер старой мхатовской школы. Но на том же птичьем языке. Потом он замолчал.

Я оцепенел, физически не в силах пошевелиться. Потом заставил себя вдохнуть. Выдохнул. Сделал шаг вперед, переступив порог лаборатории. Откашлялся и преувеличенно бодро провозгласил:

— А работать...

И не договорил.

Они молча развернулись ко мне, все шестеро. Шесть белых лиц со стертыми чертами и черными глазами без зрачков.

Я едва удержался, чтобы не побежать назад по коридору, как в детстве или в страшном сне, из последних сил. Спокойно, спокойно... Все как обычно. Шарахнулся от бесшумно открывшихся дверей лифта — нет уж, мы уж как-нибудь сами, без технологий! Сбежал по пожарной лестнице, залез в машину, захлопнул за собой дверь. Кажется, ушел! Я вылетел на дорогу, джип слева затормозил с визгом и возмущенно загудел.

Радио заработало, передавали новости, возбужденно тараторя — и я опять не понимал ни слова, на этот раз по-английски. Я покрутил ручку настройки — везде то же самое. Выключил. Набрал номер жены. Гудок. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть...

В трубке зашуршало и я услышал Машкин тревожный голос:

— Да!

Шум усилился, больше слов было не разобрать, только знакомые интонации.

— Машка, все в порядке, я очень скоро приеду! — закричал я сквозь шорох. — Уже еду!

Руки тряслись. Я остановился у обочины, вытащил сигарету и закурил. Снова включил радио и пополз по шкале. 85, 86, 87... все тот же бред. Стоп!

Ведущий говорил не спеша и с юмором. Он говорил о Диккенсе. Говорил старым, добрым английским языком, читал со вкусом большие куски из «Лавки древностей».

Сигарета догорела, а я все сидел и слушал, обдумывая неизбежный вопрос: «Это живой эфир или запись?» И еще: «Просто телефонная связь плохая, правда же?»

Наконец я тряхнул головой. Какая разница. Еду к своим. Только заеду домой, словари заберу. Там-то точно еще остались слова.

